

Манойло А.В.¹

Информационные операции стран Европы в Северной Африке и Сахеле

***Аннотация.** В статье рассматриваются информационные операции, проводимые европейскими странами в Северной Африке и Сахеле, в период вторжения группы стран – участниц НАТО в Ливию (2011) и в настоящее время. Исследование форм и методов информационной агрессии, применявшейся европейскими странами (в первую очередь, Францией) в Ливии, а в дальнейшем – в «треугольнике» государств Сахеля (Мали, Буркина-Фасо, Нигер), показало, что их «информационные операции» в Африке сводятся преимущественно к пропаганде (включая ее наиболее агрессивные формы) и дезинформации (инструментом распространения которой часто становятся «фейковые новости», включая их «глубокие» разновидности – дипфейки). Эффект последних закрепляется техниками «постправды» (эмоциональной интерпретации уже произошедших событий и изменения отношения к ним сквозь призму эмоциональной переоценки вновь выявленных или уже известных фактов и деталей). Оперативные игры в информационных кампаниях, проводимых европейскими странами, отсутствуют. Это, в свою очередь, заметно отличает информационные операции Франции, Великобритании, Германии, Нидерландов от аналогичных операций, проводимых США. В моменты кризисов французские специалисты в сфере информационной борьбы сначала прибегают к агрессивному*

¹ Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН (cyberhurrricane@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-8142-9110.

информационному давлению в форме угроз, агрессивной пропаганды, шантажа, подкупа; затем пытаются сломить решимость своих оппонентов дезинформацией, вбрасывая ложные оценки и сея панику. И только потом происходит переход к классическим методам «мягкой силы», когда в арсенал методов давления на африканское население и элиты включается культурная экспансия. В тех случаях, когда пропаганда не действует, а «жесткую силу» (в форме прямого вооруженного вторжения) применить не представляется возможным, французы утрачивают контроль над ситуацией. Подобные сценарии имели место в Буркина-Фасо, Мали и Нигере в 2020–2024 гг., когда Париж был вынужден вывести оттуда свои контингенты.

Ключевые слова: Европа, Африка, Россия, Франция, информационная война, информационные операции, мировая политика, национальная безопасность.

Введение

В настоящее время информационная война – один из приоритетных объектов научных исследований [Лукьянов, 2021 ; Манойло, Стригунов, 2020]. В мировой политике и во взаимоотношениях между государствами (которые также могут быть конфликтными) информационные войны по степени социальной опасности стоят на одном уровне с традиционными войнами, ни в чем им не уступая (ни в популярности, ни в эффективности). О роли информационных войн в победе над противником ведутся постоянные дискуссии. Средства воздействия, применяемые в информационных войнах, то наделяют свойствами сверхоружия, способного проникнуть сквозь любую преграду, достичь мозга человека и спровоцировать в нем необратимые изменения; то, напротив, указывают (нередко совершенно справедливо), что «информационные войны могут быть сокрушительными, они могут быть победными, но настоящая победа все равно куется на поле боя» [Настоящая победа ... , 2022].

С одной стороны, такой разброс мнений вызван конкуренцией между классическими войнами и войнами неклассическими (к которым относится информационная война), эффективность которых зависит от скорости появления новых решений на поле боя. Так, во второй половине 2010-х годов информационные войны, благодаря произошедшей в США «технологической революции» в данной области, вырвались вперед (вспомним резонансный инцидент 2018 г. в Солсбери и скандал с панамскими офшорами в 2016 г.).

Но в настоящее время, с началом массового применения БПЛА, в корне изменивших облик современной войны, дроны совершают переворот в военном деле (точнее, настоящую революцию), вытесняя на глубокую периферию «абсолютное оружие» 2016–2022 гг. – казавшиеся ранее неуязвимыми фейки вирусного типа.

С другой стороны, «взлеты» и «падения» статуса информационных войн в представлениях военных специалистов, дипломатов, ученых-исследователей и политехнологов связаны с общей нечеткостью представлений о том, что из происходящего в информационной сфере на самом деле является информационной войной, и что – самое главное – информационной войной не является. Специалисты могут называть информационной войной что угодно, неоправданно расширяя это понятие до полной утраты связи с реальным миром (с практикой, в первую очередь) или, наоборот, предельно сужая смысловое содержание данного термина. В этом плане практически каждый исследователь, формируя понятийный базис своей будущей работы, придумывает собственное определение информационной войны и научный (или научно-публицистический) язык ее описания; поэтому нет ничего удивительного в том, что описания современных информационных войн, создаваемые различными исследователями, отталкивавшимися от различных исходных (базовых) допущений и аксиом, не совпадают (а нередко и прямо противоречат друг другу).

У современной информационной войны есть две особенности. Во-первых, далеко не всё, что называют информационной войной, является таковой. Другими словами, информационная война – это совсем не то, что таковой кажется. Довольно часто информационными войнами называют публичные скандалы между политическими партиями и движениями, выясняющими отношения в информационной сфере (на расстоянии, опасаясь сближения и пересечения «красных линий»); споры хозяйствующих субъектов, использующих для выяснения отношений специфические (информационные) инструменты воздействия на соперников и оппонентов; скандалы, расследования, инициированные журналистами (даже если за ними стоят влиятельные медиахолдинги). Все это – иногда следствие добросовестных заблуждений, иногда – стремление повысить статус локального по масштабам скандала до уровня «войны». В реальности к настоящим информационным войнам всё это не имеет никакого отношения.

Кроме того, многие исследователи, как российские, так и западные, часто путают несколько близкородственных по своей природе явлений, относя к информационной войне дезинформацию и пропаганду и используя эти термины почти как синонимы. Такой подход характерен для значительной части отечественных ученых, склонных относить к области информационных войн любые инциденты, связанные с информацией (особенно если речь идет о пропаганде, которая в условиях СВО замещается спецпропагандой), и рассматривающих любой ажиотаж в социальных сетях как очередной виток информационной войны.

В США информационную войну чаще всего связывают с пропагандой и «иной психологической деятельностью», родственной пропаганде; такой точки зрения придерживаются в основном военные специалисты [Полевой устав ... , 1988], по-прежнему рассматривающие информационные операции в довольно узком контексте сопровождения боевых действий традиционных вооруженных сил.

Напротив, спецслужбы США, такие, как ЦРУ и разведка Государственного департамента («отдел исследований») рассматривают информационные операции как инструмент внешнеполитического воздействия, имеющий самостоятельное значение, при помощи которого можно решать внешнеполитические и иные задачи без обязательного привлечения традиционных вооруженных сил; основой информационных войн в данном случае являются оперативные комбинации и оперативные игры. В информационных операциях американских спецслужб основным инструментом управления сознанием и поведением людей являются технологии рефлексивного управления (действующие по принципу «стимул-реакция») и техники аффективного управления (реализуемые путем перевода объекта воздействия в искомое эмоциональное состояние, а затем – управления его поведением на эмоциональном уровне).

В основе европейского подхода к ведению информационных войн лежит дезинформация и технологии когнитивного воздействия (технологии так называемой «когнитивной войны»). Германия, Франция, Великобритания рассматривают информационные операции в первую очередь как компании по дезинформации; любой инцидент, в котором задействованы ложные сведения, причисляется к информационной войне. Для противодействия технологиям когнитивного воздействия создаются многочисленные центры по

борьбе с фейками и дезинформацией, такие как Варшавский центр противодействия дезинформации и пропаганде. Для них дезинформация является основным маркером ведения информационной войны, а фейки (особенно вирусного типа) – основным ее инструментом. Особенности управляющего воздействия информации на психику человека (на его сознание и подсознание) европейские специалисты объясняют когнитивными процессами, которые задействуются в рамках так называемых «когнитивных войн». С подачи европейцев данный термин прочно вошел в риторику НАТО: за последние 10–15 лет Альянс принял более 30 официальных документов, концепций, стратегий, доктрин, регламентирующих ведение «когнитивных войн» и проведение «когнитивных операций» (примеры таких операций наглядно продемонстрировал франко-британский альянс во время так называемой «Ливийской войны» 2011 г.).

Вместе с тем странам Европы (и даже близкой по менталитету к США Великобритании) так и не удалось скопировать подход США к информационным операциям: все известные информационные операции, проводившиеся от имени европейских стран и их специальных служб в 2016–2022 гг., начиная с инцидента в Солсбери («отравление Скрипалей») в 2018 г., «Пражского дела» об угрозе отравления муниципальных политиков в 2020 г. и заканчивая «поимкой» в 2022 г. голландской разведкой AIVD «российского нелегала», пытавшегося устроиться на работу в Международный уголовный суд в Гааге, на самом деле проводились разведкой США «под чужим флагом»; попытки европейских спецслужб воспроизвести американские схемы и подходы к организации информационных операций ни к чему не привели, точнее, породили серию операций, рассыпавшихся в процессе их развертывания. В этом плане особенно отличились разведки южноевропейских стран – Италии и Испании, которые в 2022 г., на середине разворачиваемых ими оперативных комбинаций, копирующих стиль и почерк работы американских спецслужб, «устали бороться» и начали просто имитировать активность на данном направлении.

В сфере информационных войн (как и во многих других областях) в Европе также наблюдается «разрыв» (градиент) по линии Север–Юг: если у «Севера» (Германии, Франции, Великобритании, Нидерландов, с большой натяжкой – Швеции, Норвегии, Дании) с дезинформацией, контрпропагандой и проведением отдельных информационных операций дело обстоит очень средне (если

не сказать – посредственно), то у «Юга» (Италия, Испания) с информационными войнами дело обстоит еще хуже. Итальянские и испанские союзники США создают лишь видимость проведения информационных операций (даже не пытаясь создавать видимость «бурной» деятельности); попытки копировать (без должного усердия) американские методы информационной борьбы также не дают результатов – в основном потому, что «южане» не очень-то и стараются.

За последние пять лет в информационной активности европейских стран можно отметить только одну операцию, получившую необходимый резонанс и ставшую началом многоходовой оперативной игры, подхваченной, в свою очередь, уже Соединенными Штатами, – это операция, приписываемая голландской разведке AIVD: арест и последующее «разоблачение» бразильского гражданина В.М. Феррейры, состоявшееся 16 июня 2022 г. По утверждениям голландских спецслужбистов, Феррейра пытался по фальшивым документам устроиться на работу в Международный уголовный суд, имея задание от «русской разведки». По данным AIVD, под «фальшивой» личностью Феррейры скрывался российский гражданин С. Черкасов, офицер-нелегал Главного управления ГШ ВС РФ [Нидерланды заявили ... , 2022]. Однако, судя по почерку, в этой оперативной комбинации голландцы действовали не самостоятельно и не были ее главными разработчиками, а использовались разведкой США для легализации полученной ЦРУ оперативной информации.

Современная информационная война представляет собой особый вид вооруженного конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением особого вида деструктивных вредоносных технологий, направленных на нанесение ущерба психике человека путем скрытого управления его сознанием и поведением. Такие технологии имеют когнитивную природу; их принято объединять под общим названием «информационное оружие». Будучи особым видом вооруженного конфликта, информационные войны всегда имеют начало и конец (т.е. не могут длиться постоянно и перманентно присутствовать в нашей жизни как некая данность); ведутся только в сфере международных отношений – между государствами, их союзами и коалициями и, реже, между иными акторами международных отношений – международными организациями, обладающими международной правосубъектностью (примеров пока еще не

было), национально-освободительными движениями (имеющими возможность развязать и поддерживать на определенном уровне интенсивности вооруженный конфликт, в котором будет и информационная составляющая). Структурно любая информационная война представляет собой последовательность информационных операций, т.е. оперативных комбинаций на каналах открытых телекоммуникационных сетей (ОТКС), позволяющих стране-инициатору достигать своих внешнеполитических целей без применения (или с ограниченным применением) прямой вооруженной силы.

Информационные операции в Ливии

В отношении информационной войны, проводившейся Францией, Великобританией и другими активными странами Европейского союза в Ливии в период с 2010 по 2015 г., мнения специалистов заметно расходятся.

С одной стороны, в деятельности соответствующих ведомств (включая МИД стран, принимавших активное участие в военной интервенции в Ливии) присутствуют все атрибуты современных информационных войн: будущий «коллективный Запад» развернул против М. Каддафи колоссальный механизм дискредитации, в котором наличествовали и агрессивная пропаганда, и ложь (как элемент дезинформации), и техники разобщения общества и подавления воли к сопротивлению, и технологии цветных революций; «западные СМИ обвинили ливийского лидера в геноциде собственного народа. На международной арене М. Каддафи осудили практически все страны. После начала конфликта Интернет заполнили многочисленные видеоролики, на которых были зафиксированы “жестokie действия властей по подавлению протестов”» [Рыбалченко, 2016, с. 86].

При этом пропаганда была направлена как на население Ливии, Сирии и других арабских стран, так и на граждан западных стран, которым отводилась роль «массовки», обязанной безусловно поддерживать любые действия лидеров своих стран, ввязавшихся в войну с Каддафи.

В самой Ливии работа по разложению ливийских ВС, которые при М. Каддафи состояли из наемников, сгруппированных в армии Ливийской Джамахирии по национальному (этническому) признаку, была организована практически безукоризненно: например, системы ПВО у М. Каддафи обслуживали пакистанцы, которые с началом вторжения франко-британского альянса снача-

ла участвовали в боевых действиях, а затем просто отошли в сторону и объявили о своем «нейтралитете» (получив от сил вторжения гарантии своей безопасности). В результате страны – участницы НАТО демонстрировали «высокую результативность ударов средств воздушного нападения при практически полном отсутствии противодействия со стороны сил ПВО Ливии» [Галушко, 2011, с. 3]. То же самое произошло со всеми иностранными контингентами, служившими в ливийской армии, за исключением родного для М. Каддафи ополчения племени аль-Каддафа, которое стояло насмерть в городе Сирт, где раненый М. Каддафи был захвачен в плен и затем убит. Из всех иностранных контингентов не поддавалась западной пропаганде только туарегская гвардия, организованно отступившая в глубь Африканского континента, быстро маргинализовавшаяся (из-за потери своего социального статуса и положения в ходе франко-британского вторжения), попутно подвергшаяся радикальной исламизации и затем частично влившаяся в формирования туарегов в Мали.

Примером же мощного психологического воздействия на политические элиты западных стран, не сразу присоединившихся к франко-британской коалиции, стало воздействие на Италию, которая была совершенно не заинтересована в войне с М. Каддафи (так как получала большую часть необходимой ее промышленности нефти именно из Ливии) и которую силовым образом – путем открытого шантажа – заставили присоединиться к коалиции, заявив, что иначе Италию лишат статуса привилегированного партнера США и НАТО.

Тем не менее в период, предшествовавший войне 2011 г., и в ходе самой войны ни одна из стран франко-британской коалиции не готовила и не проводила сложные (многоходовые) информационные операции, выходящие за рамки прямой («лобовой») пропаганды и дезинформации в сочетании с ультиматумами и шантажом. В этот период франко-британские разведки не вели на каналах ОТКС ни одной оперативной игры, являющейся основой информационных операций. Отчасти это связано с тем, что оперативные игры на каналах ОТКС никогда не были сильной стороной Франции и Великобритании; им не удалось не только выработать собственную организационно-технологическую схему информационных операций (подобную той, которая есть сегодня у США), но и толком скопировать передовые наработки США в данной области. В дальнейшем, начиная со второй половины 2010-х годов,

эти страны начали компенсировать отсутствие собственной схемы и модели информационных операций развитием инструментов и технологий когнитивного воздействия, объединив их под «зонтиком» нового понятия – «когнитивная война».

Здесь следует отметить, что задача по разложению ливийской армии во время вторжения франко-британского альянса решалось быстро и эффективно с помощью более простых методов – подкупа, прямого шантажа и угроз, прямого открытого стимулирования активности экстремистов (так, начало будущей войне положил мятеж исламистов в городе Мисрата, население которого на момент начала ливийских событий состояло почти исключительно из представителей племени мисрата, которое было практически поголовно исламизировано). Наемников, составлявших основу ливийской армии, быстро перекупили; собственно ливийское население, «развращенное» огромным количеством социальных пособий, выплачивавшихся ливийским режимом за счет доходов от экспорта нефти, быстро переметнулась в лагерь ненавистников М. Каддафи, как только (прямо накануне Ливийской войны) эти выплаты были заметно урезаны из-за падения цен на нефть и экономических трудностей, с которыми столкнулся режим в Триполи. Бесполетная зона, введенная над Ливией согласно резолюции ООН, снизила способность режима к сопротивлению; начавшаяся военная интервенция, координировавшая свои действия с исламистскими группировками, называвшими себя «повстанцами», в итоге (пусть и не сразу) подавила сопротивление режима. В этих условиях информационная война, по сути, свелась к пропаганде, направленной на разложение еще сохраняющих боеспособность подразделений правительственной ливийской армии и на легитимацию результатов военной агрессии, развернутой против Ливии. Для оперативных игр здесь просто не осталось ни места, ни времени.

Многие российские исследователи в своих работах пишут об информационной войне в Ливии. Так, А.А. Рыбалченко утверждает, что «против режима Каддафи велась информационная война, черты которой напоминают ситуацию вокруг Югославии, военное вторжение американских вооруженных сил в Ирак, вопрос Южной Осетии» [Рыбалченко, 2016, с. 88]. Однако всё, что он относит к признакам, формам и методам информационной войны против М. Каддафи, не выходит за рамки классической дезинформации (например, преувеличение количества жертв из-за действий правительственных сил) и пропаганды. Все упомянутое еще не делает

«информационную войну» собственно войной (т.е. самостоятельным видом вооруженного конфликта): очевидно, одной агрессивной пропагандой, ложью и постправдой режим М. Каддафи нельзя было сломить; для достижения этой цели потребовалось прямое вооруженное вмешательство.

Как справедливо отмечает М.А. Таслих, в период, предшествовавший началу франко-британской интервенции в Ливию, «в западных средствах массовой информации публиковались фото- и видеоматериалы из Ливии в соотношении 20:1 в пользу повстанцев; анализ сюжетов показал, что многие из них не соответствовали действительности» [Таслих, 2020, с. 84]. В публикациях западной прессы явно просматривалась цель оправдать вооруженную агрессию против ливийского народа и связанные с ней жертвы среди мирного населения, реализовывавшаяся через демонизацию М. Каддафи и его режима; однако разведки европейских стран не вели в информационном поле никаких оперативных игр для поддержки военной операции против Ливии – ни с самим М. Каддафи, ни с членами его семьи (например, сыном Сейф аль-Исламом); М. Каддафи «загоняли в угол», но не строили для него «информационных ловушек», не использовали «крючки» и «приманки». В этом плане термин «информационная война», встречавшийся в публикациях как зарубежных, так и российских ученых, писавших о борьбе франко-британской коалиции с режимом М. Каддафи, представляется нестрогим публицистическим преувеличением; по сути имела в виду пропаганда и дезинформация, а не особый вид вооруженного конфликта, в котором информационные операции способны решать те же задачи, что и классические ВС.

Северная Африка как поле информационных операций

Африка традиционно привлекает пристальное внимание ведущих европейских держав [Сидорова, 2019 ; Корендясов, 2016]. Наибольшее внимание этому континенту уделяет Франция, в прошлом – крупнейшая колониальная держава [Цыганков, 2014], создавшая из своих бывших африканских колоний, формально получивших независимость, зону своего исключительного военно-политического и экономического влияния, получившую название «Франсафрик» (*фр.* *Fransafrique*) [Фитуни, 2012]; в этой зоне Франция до недавнего времени продолжала вести себя как неоколониальная держава [Филиппов, 2023] – организовывала госпере-

вороты, приводила к власти лояльные себе марионеточные правительства, использовала вооруженные конфликты, малые и большие гражданские войны для ослабления политических сил, недовольных политикой Франции на континенте, а также для подавления стремления африканских стран к подлинной независимости и суверенитету. Неслучайно президент Франции Шарль де Голль, говоря об «уходе» из Африки, добавлял: «мы должны уйти так, чтобы остаться». Однако в 2018 г. ситуация коренным образом изменилась.

В январе 2018 г. в ЦАР прибыл войсковой контингент ЧВК «Вагнер». За один год российские контрактники добились стабилизации ситуации в республике, что, в свою очередь, привело к вытеснению французских военных контингентов из ЦАР: их численность резко сократилась; последние французские военнослужащие покинули страну в декабре 2022 г.

Вслед за французами из тропической Африки были выведены войсковые контингенты («военные миссии») Великобритании и Германии, принимавшие участие в миротворческой миссии ООН в Мали. Наблюдавшие этот «исход» французские журналисты с горечью констатировали, что «деятельность российских военных специалистов в Мали позволяет малийским политическим лидерам защищать свой режим и избегать переворотов в обмен на финансовые и минеральные концессии» [Thompson, Doxsee, Bermudez, 2022]. В результате французы задумались о том, как с помощью информационных и идеологических диверсий подорвать популярность российских сил.

В 2022–2023 гг. в ряде стран тропической Африки – Буркина-Фасо и Нигере – совершились военные перевороты, в ходе которых к власти пришли национально ориентированные, антифранцузски настроенные силы [Дегтерев, 2023]. Примечательно, что перевороты проходили под лозунгами «Долой Францию! Да здравствует Путин!» (*фр.* «À bas la France! Vive Poutine!»), подчеркивавшими симпатии к РФ и ее руководству. Толпа несла российские флаги и портреты президента В.В. Путина. Попытка президента Франции Э. Макрона вернуть ситуацию «в прежнее русло» полностью провалилась: в ходе его экстренного визита в Буркина-Фасо, организованного «в пожарном порядке», он так и не смог ответить на вопрос, почему во Франции так мало африканских студентов и почему в Африке так много французских солдат. Попытки президента Франции поколебать позиции России напо-

ром французской «мягкой силы» также провалились: в то время, как Мали, Нигеру и другим странам тропической Африки требовалась экономическая и военная помощь против мятежников, террористов и исламистов, Э. Макрон попытался ограничиться предложением «расширить бесплатные курсы по изучению французского языка» (подробнее см.: [Between promise ... , 2023]). Под давлением заинтересованных в российской военной помощи властей Мали и новых правительств в Буркина-Фасо и Нигере французы, оказавшиеся в полной идеологической растерянности, стали сдавать позиции.

После провозглашения 17 сентября 2023 г. Альянса государств Сахеля (Нигер, Буркина-Фасо и Мали) в Буркина-Фасо и Мали было приостановлено вещание радио «Франс Интернэшнл» и телеканала «Франс 24», финансировавшихся налогоплательщиками. Британская медиакорпорация ВВС сократила десятки своих журналистов в Африке и закрыла несколько каналов, вещавших на местных языках [Peltier, Satariano, Chutel, 2023]. В марте 2024 г. Нигер разорвал военное соглашение с США, и американский контингент был вынужден покинуть военную базу в Нигере (которую затем заняли российские военные и контрактники).

В этих условиях США включились в информационную борьбу в «треугольнике», контролируемом Альянсом государств Сахеля. Нормативная база для этого уже имелась – еще в 2022 г. в США был принят законопроект H.R.7311 «О противодействии злонамеренной деятельности России в Африке», в грубой и ультимативной форме требовавший от африканских стран сделать выбор – сотрудничать либо с Россией, либо с Западом [Countering malign Russian ... , 2022].

Серьезную обеспокоенность политических элит США и ЕС стремительно возрастающей ролью России в Африке демонстрирует доклад Американского института внешнеполитических исследований (*англ.* Foreign Policy Research Institute, FPRI): по мнению американских аналитиков, Россия активно продвигает свои интересы не только в экономической и военной областях, но и в информационной сфере. Так, например, две трети респондентов из Мали называли сотрудников группы Вагнер «инструкторами», что указывает на позитивное отношение граждан страны к российским

контрактникам. Помимо прочего, в докладе указывается, что в Африке доминирует популярный российский канал RT [Whitman, 2023].

Индикатором усиления позиций России в Африке стала статистика голосования африканских стран против антироссийских резолюций в ООН. Так, если антироссийскую резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН ES-11/1 от 2 марта 2022 г. не поддержали 26 стран континента [Aggression against ... , 2022], то уже всего через три месяца очередной антироссийский проект – резолюцию о приостановке работы Российской Федерации в Совете по правам человека от 4 июля 2022 г. – не поддержали уже 44 страны Африканского континента. Таким образом, становится очевидным, что все большее число африканских стран «покидают западную зону контроля». Это напрямую свидетельствует о росте влияния России в Африке [Боришполец, 2019] и подтверждает правильность выстроенных российских внешнеполитических приоритетов.

Литература / References

Боришполец К.П. (2019). Стратегические интересы России в Африке // Международная аналитика. – Москва. – № 1–2. – С. 7–15 [Borishpolets K.P. (2019). Russia's strategic interests in Africa [*Strategicheskie interesy Rossii v Afrike*] // International analytics. – Moscow. – N 1–2. – P. 7–15]. (In Russian).

Галушко С. (2011). Силы специальных операций и война в Ливии : аналитический доклад / Центр стратегических оценок и прогнозов. – Москва. – 31 с. [Galushko S. (2011). Special operations forces and the war in Libya : analytical report [*Sily spetsial'nykh operatsii i voyna v Livii : analiticheskii doklad*] / Center for strategic assessments and forecasts. – Moscow. – 31 p.]. (In Russian).

Дегтерев Д.А. (2023). Африканский континент как полюс притяжения : вопросы солидарности и соперничества // Проблемы национальной стратегии. – Москва. – № 3 (78). – С. 256–273 [Degtyarev D.A. (2023). The African continent as a pole of attraction : issues of solidarity and rivalry [*Afrikanskii kontinent kak polyus prityazheniya : voprosy solidarnosti i sopernichestva*] // Problems of national strategy. – Moscow. – N 3 (78). – P. 256–273]. (In Russian).

Корендясов Е.Н. (2016). Российско-африканские отношения на новом старте // Вестник РУДН. Серия : Международные отношения / РУДН. – Москва. – Т. 16, № 2. – С. 203–214 [Korendyasov E.N. (2016). Russian-African relations at a new start [*Rossiisko-afrikanskie otnosheniya na novom starte*] // RUDN Bulletin. Series : International relations / RUDN. – Moscow. – Vol. 16, Issue 2. – P. 203–214]. (In Russian).

Лукиянов В.Ю. (2021). Гибридные войны как угроза безопасности в XXI веке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки / САФУ. – Архангельск. – Т. 21, № 3. – С. 5–14 [Lukyanov V.Yu. (2021). Hybrid wars as a security threat in the 21st century [*Gibridnye voyny kak ugroza bezopasnosti v XXI veke*] // Bulletin of the Northern

(Arctic) federal univ. Series : Humanities and social sciences / Northern (Arctic) Federal Univ. – Arkhangelsk. – Vol. 21, Issue 3. – P. 5–14]. (In Russian).

Манойло А.В., Стригунов К.С. (2020). Технологии неклассической войны : генезис, эволюция, практика. – Москва : Горячая линия–Телеком. – 378 с. [Manoylo A.V., Strigunov K.S. (2020). Technologies of non-classical warfare : genesis, evolution, practice [*Tekhnologii neklassicheskoi voyny : genezis, evolyutsiya, praktika*]. – Moscow : Hotline–Telecom. – 378 p.]. (In Russian).

Настоящая победа куется на поле боя, заявил Песков. (2024) // РИА Новости. – Москва. – 30.04. – URL: <https://ria.ru/20250430/peskov-2014329248.html> (дата обращения: 17.08.2025) [True victory is forged on the battlefield, said Peskov [*Nastoyashchaya pobeda kuetsya na pole boya, zayavil Peskov*]. (2024) // RIA Novosti. – Moscow. – 30.04. – URL: <https://ria.ru/20250430/peskov-2014329248.html> (date of access: 17.08.2025)]. (In Russian).

Нидерланды заявили о разоблачении «шпиона» из России : он маскировался под бразильца. (2022) // RTVI. – Москва. – 16.06. – URL: <https://rtvi.com/news/niderlandy-zayavili-o-razoblachenii-shpiona-iz-rossii-on-maskirovalsya-pod-brazilca/> (дата обращения: 17.08.2025) [The Netherlands announced the exposure of a «spy» from Russia : he was disguised as a Brazilian [*Niderlandy zayavili o razoblachenii «shpiona» iz Rossii : on maskirovalsya pod brazil'tsa*]. (2022) // RTVI. – Moscow. – 16.06. – URL: <https://rtvi.com/news/niderlandy-zayavili-o-razoblachenii-shpiona-iz-rossii-on-maskirovalsya-pod-brazilca/> (date of access: 17.08.2025)]. (In Russian).

Полевой устав армии США FM 33-1 : психологические операции. (1988) / ГШ ВС СССР. – Москва. – URL: <https://psyfactor.org/lib/fm-33-1.htm> (дата обращения: 17.08.2025) [Field manual of the US Army FM 33-1 : psychological operations [*Polevoi ustav armii SShA FM 33-1 : psikhologicheskie operatsii*]. (1988) / General Staff of the USSR Armed Forces. – Moscow. – URL: <https://psyfactor.org/lib/fm-33-1.htm> (date of access: 17.08.2025)]. (In Russian).

Рыбалченко А.А. (2016). Начальный этап войны в Ливии в освещении российских СМИ // Вестник РУДН. Серия : Всеобщая история / РУДН. – Москва. – № 2. – С. 85–96 [Rybalchenko A.A. (2016). The initial stage of the war in Libya as covered by Russian media [*Nachal'nyi etap voyny v Livii v osveshchenii rossiiskikh SMI*] // RUDN Bulletin. Series : General history / RUDN. – Moscow. – N 2. – P. 85–96]. (In Russian).

Сидорова Г.М. (2019). Африканский вектор российской дипломатии // Дипломатическая служба. – Москва. – № 1. – С. 63–69 [Sidorova G.M. (2019). The African vector of Russian diplomacy [*Afrikanskii vektor rossiiskoi diplomatii*] // Diplomatic service. – Moscow. – N 1. – P. 63–69]. (In Russian).

Таслих М.А. (2020). Роль информационной войны в ливийском конфликте 2011 г. : средства и методы // Медиа. – Москва. – № 2–3. – С. 81–91 [Taslikh M.A. (2020). The role of information warfare in the 2011 Libyan conflict : means and methods [*Rol' informatsionnoi voyny v liviiskom konflikte 2011 g. : sredstva i metody*] // Media. – Moscow. – N 2–3. – P. 81–91]. (In Russian).

Филиппов В.Р. (2023). Африканская политика президента Франции Э. Макрона : хроника действий и эволюция идей / РАН, ИАФр. – Москва. – 214 с. [Filippov V.R. (2023). African policy of the French President E. Macron : chronicle of actions and evolution of ideas [*Afrikanskaya politika prezidenta Frantsii E. Makrona* :

khronika deistvii i evolyutsiya idei] / RAS, Institute for African Studies. – Moscow. – 214 p.]. (In Russian).

Фитуни Л.Л. (2012). Африка : ресурсные войны XXI века / РАН, ИАФР. – Москва. – 248 с. [Fituni L.L. (2012). Africa : resource wars of the 21st century [*Afrika : resursnye voyny XXI veka*] / RAS, Institute for African studies. – Moscow. – 248 p.]. (In Russian).

Цыганков П.А. (2014). Политическая динамика современного мира : теория и практика. – Москва : Издательство МГУ. – 526 с. [Tsygankov P.A. (2014). Political dynamics of the modern world : theory and practice [*Politicheskaya dinamika sovremennogo mira : teoriya i praktika*]. – Moscow : Moscow State univ. publishing house. – 526 p.]. (In Russian).

Aggression against Ukraine : resolution. (2022) / UN. General Assembly. – New York. – 02.03. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3959039?ln=en> (date of access: 17.08.2025).

Between promise and peril : African security in the 21st century. (2023) / S. Kostelyanets, H. Solomon (Eds.) ; RAS, Institute for African studies. – Moscow. – 272 p.

Countering malign Russian activities in Africa act : H.R. 7311. (2022) / United States Congress. – Washington, D.C. – 28.04. – URL: <https://www.congress.gov/bills/117/house-bills/7311/text> (date of access: 17.08.2025).

Peltier E., Satariano A., Chutel L. (2023). How Putin became a hero on African TV // New York Times. – New York. – 13.04. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/04/13/world/africa/russia-africa-disinformation.html> (date of access: 17.08.2025).

Thompson J., Dooze C., Bermudez J.S. (2022). Tracking the arrival of Russia's Wagner group in Mali / Center for strategic studies and international studies. – Washington, D.C. – 02.02. – URL: <https://web.archive.org/web/20220202174943/https://www.csis.org/analysis/tracking-arrival-russias-wagner-group-mali> (date of access: 17.08.2025).

Whitman D. (2023). Russian disinformation in Africa : no door on this barn // Foreign Policy Research Institute. – Philadelphia, PA. – 29.08. – URL: <https://www.fpri.org/article/2023/08/russian-disinformation-in-africa-no-door-on-this-barn/> (date of access: 17.08.2025).

DOI: 10.31249/ape/2025.04.04

Manoilo A.V.¹

Information operations of European countries in North Africa and Sahel

Abstract. *The article examines information operations conducted by European countries in North Africa and the Sahel – during the armed invasion of the Anglo-French alliance in Libya (2011) and at present. A study of the*

¹ **Manoilo Andrey Viktorovich** – ScD in Political Sciences, Leading Researcher, INION RAS (cyberhurricane@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-8142-9110.

forms and methods of information aggression used by European countries (primarily France) in Libya, and later in the «triangle» of the Sahel Alliance (Mali, Burkina Faso, Niger), showed that their «information operations» in Africa are reduced mainly to propaganda (including its most aggressive forms) and disinformation (the dissemination tool for which is often «fake news», including its «deep» varieties – deepfakes). The «fake news» effect is reinforced by «post-truth» techniques (emotional interpretation of events that have already occurred and changes in attitudes towards them through the prism of emotional reassessment of newly discovered or already known facts and details). Operational games are not present in the operations conducted by European countries, which, in turn, significantly distinguishes the information operations of France, Great Britain, Germany, the Netherlands, etc. from similar operations conducted by the United States. In times of crisis, French information warfare specialists first resort to aggressive information pressure in the form of threats, aggressive propaganda, blackmail, bribery; then they try to break the resolve of their opponents with disinformation, throwing in false assessments and sowing panic; and only after that does the transition to classical methods of «soft power» occur, when cultural expansion is included in the arsenal of methods of pressure on the African population and elites. In cases where propaganda does not work, and «hard power» (in the form of direct armed invasion) cannot be used, the French find themselves at a loss – as was the case in the «Sahel catastrophe», during which French military contingents were expelled from three countries in tropical Africa – Mali, Niger and Burkina Faso.

Keywords: Europe, Africa, Russia, France, information war, information operations, world politics, national security.

Статья поступила в редакцию (Received) 31.05.2025

Доработана после рецензирования (Revised) 10.06.2025

Принята к публикации (Accepted) 20.06.2025